

**Герменевтический анализ
художественного текста
как способ совершенствования
читательской деятельности***

О.Е. Ермилина

В настоящей статье рассматривается герменевтический анализ художественного текста как способ совершенствования читательской деятельности. Кратко изложена сущность герменевтического анализа, его своеобразие. Перспективность такого подхода к анализу художественного текста отображена на примере рассказа А.П. Чехова «У знакомых».

Ключевые слова: читательская деятельность, квалифицированный читатель, герменевтика, герменевтический круг, понимание, микроконтекст.

Совершенствование читательской деятельности способно решить задачи формирования квалифицированного читателя, овладения продуктивным, творческим чтением. Читательская деятельность активизирует эмоциональную сферу, воображение, сферу осмысления содержания и реакцию на художественную форму произведения. Все эти четыре сферы активно взаимодействуют в процессе чтения.

Как считает Л.С. Якушина, «в процессе чтения как "выявления смыслов" существуют объективные трудности», порождённые спецификой самого текста и тем, каким типом понимания обладает читатель [7]. Сегодня под влиянием насыщенного информационного поля таких «трудностей» становится всё больше. Вдумчивое, глубокое чтение исчезает. Однако правильно организованная читательская деятельность позволяет вычитать из текста все виды информации (содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную, содержательно-подтекстовую) и приблизиться к его пониманию [1].

* Тема диссертации «Герменевтический анализ текста как способ совершенствования читательской деятельности студентов-филологов». Научный руководитель – канд. пед. наук, профессор Л.С. Якушина.

Обеспечить эффективность читательской деятельности, связанной с восприятием и пониманием, может **герменевтический анализ текста**. В чём его сущность?

Понятие «герменевтика» обозначает **деятельность человека в процессе понимания и интерпретации текста**. Опираясь на труды Ф. Шлейермахера, стоящего у истоков философской герменевтики, можно выделить все основные её идеи: диалектика части и целого, предварительное понимание, идея герменевтического круга. Процесс понимания в герменевтике мыслится как бесконечный [6]. Вследствие взаимодействия **микроконтекстов** – значимых единиц художественного текста, определяющихся его поэтикой, – понимание целого изменяется, происходит как бы возвращение назад и уточнение, переосмысление предыдущего материала. Процесс понимания, его движение по герменевтическому кругу, рефлексия, постижение смыслов, рождённых при анализе взаимодействия микроконтекстов, и составляют своеобразие и механизм работы герменевтического анализа текста.

Покажем реализацию герменевтического анализа на примере рассказа А.П. Чехова «У знакомых».

При публикации рассказ получил заголовок «В гостях». Чехов был чрезвычайно недоволен этой заменой: название произведения как сильная позиция текста, безусловно, является микроконтекстом. Форма «у знакомых» имеет положительную коннотацию, и читатель может предположить лёгкую, приятную встречу, необременительное общение давно знакомых людей.

В рассказе сюжетобразующим микроконтекстом становится письмо Подгорину из Кузьминок, где он ранее бывал, будучи ещё студентом: «Милый Миша, Вы нас забыли совсем, **приезжайте поскорее**, мы хотим Вас видеть. Умоляем Вас обе на коленях, **приезжайте сегодня**, покажите Ваши ясные очи. Ждём с нетерпением.

Та и Ва» [5].

Чехов полностью приводит текст «игривого письма», которое владельца выставленного на торги родового поместья, «вероятно, сочиняли

долго, с напряжением», где сквозь написанные слова приглашения в гости «проглядывает» подтекст, выдающий настоящую цель этого послания. Героини ненамеренно проговариваются, слишком нетерпеливо умоляя Подгорина приехать как можно скорее. Повторы, раскрывающие подтекст этого письма, являются микроконтекстом. Соотнесение с другим микроконтекстом – вводными словами – проясняет, что цель будущего визита понятна и Подгорину: «...и теперь всякий раз, когда приходится платить в банк или по закладным, к Подгорину обращаются за советом, как к юристу, и мало того, уже два раза просили у него займы. **Очевидно**, и теперь хотели от него совета или денег».

Нетрудно заметить, что хронотоп рассказа определён точно, читателю известно и место, и время действия, и даже как и сколько времени герой будет добираться до Кузьминок, но, одновременно с этим, практически с первых слов введено прошлое героя в воспоминаниях о молодости, полных очарования и любви, резко контрастирующее с настоящим: «Уже не тянуло в Кузьминки, как прежде. Грустно там. Нет уже ни смеха, ни шума, ни весёлых, беспечных лиц, ни свиданий в тихие лунные ночи, а главное, нет уже молодости; да и всё это, вероятно, очаровательно только в воспоминаниях...». Также неясно намечено будущее: «...рассчитывали, что он на ней (Надежде. – О.Е.) женится, <...> но вот ей уже двадцать четвёртый год, а он всё ещё не женился...». Обилие вводных слов создаёт некую эфемерность происходящего, отображаемую потоком сознания Подгорина. Со- и противопоставление времён тоже является микроконтекстом.

Содержание этого письма оставляет тягостное чувство в душе героя, которое читатель осознаёт, отметив микроконтекст: «То, что он давно уже не был у Лосевых, камнем лежало у него на совести». Подгорин решает **«отбыть эту повинность** и потом быть свободным и покойным по крайней мере до будущего лета». Тёплым воспоминаниям о прошлом противопоставлена эмоциональная подавленность героя. Таким образом, взаимодействуя, микроконтексты приводят читателя к мысли

о парадоксальной закономерности изображения просьбы у Чехова: в ответ на просьбу вместо выполнения или отказа не происходит ничего, т.е. результат отсутствует. Подгорин – адвокат, но, несмотря на это, он не собирается оказывать никакой юридической помощи, наоборот, не может и не хочет выполнять обязанности «крючка», стремится отделаться от проблемы, а не решить её (при этом можно по-разному интерпретировать пассивность героя, но ни одна из версий не будет названа абсолютной).

По приезде Подгорина встречаются Надежда и Сергей Сергеич – с этого момента и на протяжении всего рассказа между героями будет нарушено взаимодействие. Читатель отмечает, что желанию установить контакт препятствуют постоянные помехи в общении: речь героев («У него была манера неожиданно для собеседника произносить в форме восклицания какую-нибудь фразу, не имевшую никакого отношения к разговору, и при этом щёлкать пальцами»), их невербальное поведение («...говорил Сергей Сергеич, целуясь с ним три раза и потом держа его за талию обеими руками», «Она взяла его под руку и вдруг засмеялась без причины и издала лёгкий радостный крик, точно была внезапно очарована какою-то мыслью...»), позёрство («...волосы он зачёсывал набок, покупечески, чтобы казаться простым, чисто русским <...> И всегда он подражал кому-нибудь...»). Вместо установления контакта происходит вторжение в личное пространство Подгорина. Объединение этих микроконтекстов (помех в общении) помогает читателю понять, что у Чехова самая обычная коммуникация парадоксальна: не только информативное общение, но и фатическое (общение ради самого общения с целью установить контакт) обречено на провал.

Речь героя тоже является микроконтекстом. Подгорин сообщает, что приехал на три дня, все остальные высказывания – ничего не значащие фразы, скрывающие его смущение и отчуждённость: «Что у вас тут в Кузьминках новенького? Всё ли благополучно в Датском королевстве?». Читателю очевидна реминисценция из «Гамлета»; этот микроконтекст

обращает наш читательский опыт в прошлое, мгновенно вызывая в памяти продолжение: «...прогнило что-то в Датском королевстве», помогает оценить настоящее. Сразу же в ответе Татьяны возникает следующая литературная ассоциация, которая предоставляет возможность «заглянуть» в будущее: при упоминании о том, что имение разорено и торги назначены на седьмое августа, вспоминается сюжет «Вишневого сада», она словно предрекает финал рассказа. Пьеса написана гораздо позднее, но многие образы этого текста явились «прототипами», «набросками» всемирно известных героев драматургии Чехова.

Подтекстовая информация помогает пониманию содержательно-концептуальной информации.

Тем не менее обтекаемые слова Подгорина, соотнесённые с упоминанием о новой жизни, будущем, появившимся вначале, образуют мотив возможности ухода от прежнего жизненного порядка: «Ваш муж будет служить, вы войдёте в новую колею, будете жить по-новому». В остальном нерешительное «Надо будет подумать... Я подумаю. <...> Может быть, придумаю что-нибудь» не несёт в себе никакого обещания результата, а просто отговорка. Вторжение в его личное пространство (Надежда сидит у его ног), сниженный повтор ненастоящих, наигранных эмоций Татьяны, известные ему измены Лосева – все помехи в общении приводят к разрыву коммуникации, даже когда подтекст, лишь проглядывающий в письме, становится прямым текстом: «...и я вам скажу откровенно: на вас вся надежда. Научите, бога ради, что нам делать?». Поэтому фатическое общение, единственной целью которого является поддержание контакта, на самом деле отчуждает людей друг от друга и человека от самого себя.

Взаимодействие таких микроконтекстов, как письмо, сама просьба, раздумья о женитьбе, прогулка с Сергеем Сергеичем, производящая тягостное впечатление, «как будто он прицеливался из револьвера», зарождают мотив просьбы, которую абсолютно невозможно выполнить.

Ещё одним микроконтекстом становится образ железной дороги, ог-

ней, обычно символизирующих у Чехова движение, обновление: «По линии железной дороги там и сям зажглись огни, зелёные, красные...». Здесь же, напротив, ожидания читателей не оправдываются. Мотив «новой колеи» жизни вступает в противоречие с неявным цитированием стихотворения «Железная дорога» А.Н. Некрасова (микрораспространением). После чтения Варей полузабытых строк «зелёные и красные огни стали казаться печальными», и становится ясно, что они никуда не увлекают героев, совершается движение назад, в прошлое, поэтому последний стих («Жаль только, жить в эту пору прекрасную уже не придётся ни мне, ни тебе!») звучит как приговор.

Линия развития мотива позволяет сделать вывод: чеховский рассказ моментален, события одного дня расширены изображением прошлого в воспоминаниях, мечтами о будущем. Герои не успевают измениться за столь короткое время, более того, они и не могут меняться, так как у них будущего нет.

Как микрораспространение можно выделить и пронизывающую образы Лосева и его жены авторскую иронию: Татьяна «себе на уме, всё же она на страже своей любви и своих прав на эту любовь и всякую минуту готова броситься на врага, который захотел бы отнять у неё мужа и детей», Лосев «то и дело целовался, и всё по три раза, брал под руку, обнимал за талию, дышал в лицо, и казалось, что он покрыт сладким клеем и сейчас прилипнет к вам...». Ироничная интонация автора вводит в рассказ мотив «быть и казаться», который имеет несомненную значимость. Ярче всего этот мотив воплощается в образе Лосева. Позёрство, бессмысленные для окружающих, не связанные с разговором фразы: «Jamais de ma vie!», «Он и ахнуть не успел, как на него медведь напал», озвучивающие мысли для самого себя, – все эти микрораспространения усиливают чувство абсурда у главного героя (неточная цитата из басни И.А. Крылова «Крестьянин и работник» образно ассоциирует медведя с фигурой самого Лосева). При этом Чехов не характеризует Сергея Сергеича прямо, он строит высказывание в виде тезиса и слабого аргумента,

который легко можно опровергнуть: «...он очень добр и потому расточителен; он идеалист, и потому непрактичен; он честен, чист душой, не умеет приспособляться к людям и обстоятельствам, и потому ничего не имеет и не находит себе определённых занятий». Такой алогизм и раскрывает сущность Лосева.

Описанное взаимодействие микрораспространений приводит к осознанию того, что псевдообщение доминирует в рассказе, подчиняя себе целенаправленную речь и лишая её смысла, ставит человека в мучительное положение, когда он должен либо принять заведённые нормы общения, либо отказать от него вообще. Именно поэтому вместо ответных реплик Подгорин размышляет, ведя разговор с самим собой: «И обе они, Татьяна и Варя, не могли удержаться от маленькой жестокости, чтобы не прекратить Подгорина:

– А ваше поколение, Миша, уже не то!

“А при чём тут поколение? – подумал Подгорин. – Ведь Лосев старше меня лет на шесть, не больше...”».

Внутренняя речь, представляющая собой автокоммуникацию, выступает как микрораспространение, он отображает «предел регрессии, к которому скатывается уединённое сознание человека, не способного по внутренним или внешним причинам вступить в контакт» [3].

Выше уже упоминалось, что некоторые идеи рассказа отразились позже в драматургии Чехова, и это открывает ещё одно своеобразие его прозы: сопоставление образов заложено в самих текстах, написанных в расчёте на читателя. Выставленное на торги разорённое родовое имение; Лосев – барин, «проевший» это имение, не способный понять своё истинное положение, изменить свой образ жизни; Надежда («Совершенно незнакомая с трудом, она теперь была воодушевлена мыслью о самостоятельной, трудовой жизни, строила планы будущего...») невольно вызывают в памяти сюжет и образы героев «Вишнёвого сада» Гаева и Ани. Татьяна, в любую минуту «готовая броситься на врага», оберегая своё семейное «счастье», расхваливающая своих «двух девочек, здоровых,

сытых, похожих на булки», напоминает хищную Наташу из «Трёх сестёр». Варвара, единственная, кто немного сохранил прошлое очарование, измучена трудом и пустыми хлопотами о других, так же как и Ольга, старшая из трёх сестёр: «Несмотря на корсет и высокие рукава, было заметно, что она нуждалась и у себя на фабрике за Тулой жила впроголодь. И было очень заметно, что она заработалась; тяжёлый, однообразный труд и это её постоянное вмешательство в чужие дела, заботы о других переутомили и состарили её, и Подгорин, глядя теперь на её печальное, уже поблекшее лицо, думал, что в сущности следовало бы помочь <...> ей самой». Так, эхо литературных ассоциаций непрерывно звучит на протяжении всего текста, образуя своеобразный микроконтекст, вписывающий этот рассказ в творчество Чехова-драматурга.

Внутреннее состояние Подгорина, характеризующее его отношение к прогулке с Надеждой, психологически точно выраженное Чеховым с помощью сравнения: «возле Надежды он чувствовал себя так, как будто его посадили вместе с ней в одну клетку», – тоже является микроконтекстом. Он раскрывает, взаимодействуя с названием, некоторую парадоксальность, разрушающую ожидания, первые предположения читателей относительно сюжета. В начале было отмечено, что сочетание «у знакомых» имеет позитивный смысловой оттенок, что не соответствует содержанию рассказа: в течение всего дня Подгорин чувствует себя под наблюдением, словно в ловушке. Он смущён, недоволен, ему тягостно находиться у Лосевых, постоянно требующих разрешить их проблемы.

Слово, художественная деталь также могут являться микроконтекстом: лишь однажды герой чувствует себя не чужим среди этих людей – в момент, когда настоящее так похоже на прошлое, Подгорин **хочет казаться** тем, кем хотят его видеть в Кузьминках. **Надев туфли** Сергея Сергеича, он словно примеряет на себя чужой образ жизни: «Подгорину хотелось обещать, обнадёживать, и уже он сам верил, что Кузьминки спасены и что это так просто сделать».

Заметим, что взаимодействие микроконтекстов нелинейно, и эпизод, когда Лосев, умоляя дать займы крупную сумму, окончательно выводит Подгорина из себя, с одной стороны, дополняет мотив бессмысленной, невозможной, навязчиво повторяющейся просьбы, а с другой стороны, завершает развитие мотива «быть и казаться». Срывая маску с идеалиста Сергея Сергеича, Подгорин раскрывается сам: «Едва ли это не в первый раз в жизни он был искренен и говорил то, что хотел». Мотив навсегда ушедшей жизни («всё уже отжило») дополнен мотивом одиночества: «Когда в лунные ночи Подгорин смотрел на небо, то ему казалось, что бодрствуют только он да луна, всё же остальное спит или дремлет; и на ум не шли ни люди, ни деньги, и настроение мало-помалу становилось тихим, мирным, он чувствовал себя одиноким на этом свете...».

Провал в коммуникации становится непреодолим, общение и вовсе невозможно, так как герои буквально не слышат друг друга: «Подгорин, не теряя ни минуты, пошёл к нему и стал прощаться. <...> Он не слышал, что говорил ему Сергей Сергеич, и торопился, и всё оглядывался на окна большого дома, боясь, как бы дамы не проснулись и не задержали его».

Подтверждение смысла подтекста, мучительных предчувствий мы находим в финале: Подгорин, сбежав из Кузьминок, снова найдёт письмо на столе, но даже не станет читать его до конца: «Дома у себя на столе он увидел прежде всего записку, которую получил вчера. "Милый Миша, – прочёл он, – вы нас забыли совсем, приезжайте поскорее..." <...> А минут через десять он уже сидел за столом и работал и уже не думал о Кузьминках». Открытый финал как микроконтекст побуждает читателя вернуться к началу, то есть совершить движение по герменевтическому кругу.

Взаимодействие микроконтекстов позволяет читателю интерпретировать текст как мотив повторяемой невыполнимой просьбы; все элементы цепи коммуникации оказываются разомкнуты, и, формально оставаясь просьбой, она представляет собой только изолированное от мира, никогда не

реализуемое желание: невозможно спасти обречённое на продажу имение, дать взаймы денег, жениться на Надежде, вернуться в прошлое.

Таким образом, герменевтический анализ художественного текста способен сделать процесс чтения более эффективным. Приближая произведение к сегодняшнему читателю, данный метод способен вызвать ответную реакцию, активизировав все сферы читательской деятельности, породить личностное отношение, когда через индивидуальное постигается общечеловеческое. В процессе герменевтического анализа рождается понимание, постигается истинный смысл произведения, открываются новые возможности прочтения художественного текста.

Литература

1. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 1981.

2. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций : Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М., 1995.

3. Степанов, А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А.Д. Степанов. – М., 2005.

4. Хайдеггер, М. Понимание и истолкование / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет. – М., 1993.

5. Чехов, А.П. Собр. соч. : в 12-ти т. ; т. 8 / А.П. Чехов. – М., 1965.

6. Шлейермахер, Ф.Д.Е. Герменевтика / Ф.Д.Е. Шлейермахер. – М., 1993.

7. Якушина, Л.С. Проблема чтения школьниками художественного текста / Л.С. Якушина // Начальная школа плюс До и После. – 2009. – № 10.

8. Богин, Г.И. Обретение способности понимать : Введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс] / Г.И. Богин. – <http://www.koob.ru/bogln/hermenevtika>.

Ольга Евгеньевна Ермилина – аспирант кафедры риторики и культуры речи Московского государственного педагогического университета, г. Москва.